

С.М. МОСКАЛЕВА

УПРАВЛЕНИЕ ГОРОДСКИМ НАСЛЕДИЕМ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ: МЕЖДУ ЛОКАЛЬНЫМ И ГЛОБАЛЬНЫМ

Москалева Светлана Михайловна, магистр социологии, аспирант Европейского университета в Санкт-Петербурге; Российская Федерация, 191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, д. 6/1 А.

E-mail: smmoskaleva@gmail.com

В статье на примере архитектурного конкурса реконструкции Большой Морской улицы в Санкт-Петербурге рассматривается вопрос о контроле наследия. Конкурс 2016 года представляется как событие, раскрывающее конфликтующие логики, дискурсы и формы рациональности в управлении архитектурным наследием. Рассмотрение их использования субъектами, участвующими в создании проектов Большой Морской, — профессиональными архитектурными студиями, инициативными группами, представителями государственных структур, — и является целью статьи. Работа вносит вклад в дискуссию об управлении на расстоянии в отношениях центра/периферии. Используя метод включенного наблюдения, дискурс-анализ архитектурных концепций, нормативных документов, а также интервью с гражданскими группами, автор раскрывает различные типы рациональности, включенные в процесс планирования. Проекты Большой Морской улицы иллюстрируют столкновение двух планировочных парадигм, различающихся по эпистемическим основаниям (формам рациональности) и дискурсивным практикам. В первой парадигме государство рассматривается как ключевой актор планировочного процесса. Другая выстраивается вокруг рыночной и гражданской логик, соучастия граждан в планировании городских пространств. Представители этой парадигмы формируют новые гражданские идентичности и свою аргументацию в рамках рыночного международного дискурса.

Ключевые слова: наследие; городское управление; гражданское участие; городское планирование; дискурс-анализ; постсоветское пространство

Цитирование: Москалева С.М. (2019) Управление городским наследием в Санкт-Петербурге: между локальным и глобальным // Городские исследования и практики. Т. 4. № 3. С. 42–59. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp43201942-59>

Введение

В книге «Коммунизм на завтрашней улице» историк Стивен Харрис показывает, как появившиеся в СССР проекты будущих городов открыли новое *дискурсивное пространство* для переосмысления проекта строительства коммунизма советскими гражданами [Harris, 2013, p. 192]. В современной России мы также можем наблюдать, как появляются дискурсивные пространства для размышления о будущем российских городов. Эти пространства включают как государственные архитектурные конкурсы, генпланы городов, экономические стратегии, так и гражданские низовые инициативы, предлагающие проекты благоустройства через различные медиаплатформы.

Применяя идеи Мишеля Фуко к анализу архитектуры, исследователи отмечают, что архитектура является компонентом культурного и политического дискурса, воплощенного в закрепленных правилах и практиках, предлагающих те или иные способы действия в пространстве. Архитектура и архитектурный дизайн могут быть проводниками определенных политических дискурсов и представлять интересы тех или иных властных групп (см., напр., [Jones, 2011]).

В данной статье архитектурные предложения о будущем городского пространства будут рассмотрены в качестве дискурсов (как ассамбляжа идей, практик), нормализующих опреде-

ленные представления различных групп об управлении архитектурным наследием. Термин «управление» будет пониматься в смысле гвернаментальности [Foucault, 1991].¹

Архитектурный конкурс на реконструкцию Большой Морской улицы в Санкт-Петербурге в 2016 году будет рассматриваться как событие, раскрывающее конфликтующие дискурсы и формы рациональности управления архитектурным наследием, мобилизуемые различными участниками процесса: профессиональными архитектурными студиями, инициативными группами, представителями государственных структур. Контекст Санкт-Петербурга, центр которого охраняется ЮНЕСКО, позволяет концептуализировать развернувшуюся борьбу между группами как борьбу за контроль над объектом наследия и логиками его управления. Цель статьи — рассмотреть, какие дискурсы, технологии и типы рациональности привлекаются различными субъектами, участвующими в создании проектов Большой Морской, и в чем специфика последних.

Под наследием в статье понимается процесс управления: объект городского пространства становится наследием только тогда, когда подвергается практикам по его сохранению и управлению (как гвернаментальности — *Прим. авт.*) [Smith, 2006]. Управление объектами наследия — это глобальный процесс, который можно проследить в дискурсивных практиках [Smith, 2006], технологиях [Ong, 2006], международных законодательных актах, государственных нормативных документах и практиках местных сообществ [Coombe, Weiss, 2015; Cesari, Herzfeld, 2015]. Понятие «гвернаментальность», разработанное Фуко и его последователями [Rose et al., 2006], позволяет переосмыслить сложные способы управления территориями и людьми, сосредоточившись на анализе микропроцессов. Такое управление включает три компонента: анализ форм рациональностей, которые включаются в процесс управления, технологии и субъекты управления. Роуз также отмечает, что управление субъектами осуществляется через свободу выбора тех способов и логик, которые рассматриваются ими как правильные и рациональные [Rose, 1996].

Проблемы, с которыми сталкиваются исследователи наследия: процессы кооптации различных логик управления, замена одних логик, представляющих интересы властных групп, другими [Coombe, Weiss, 2015]. Кроме того, это проблемы распространенности доминирующих (авторитетных) дискурсов планирования [Smith, 2006], которые задают тренды управления наследием и не принимают во внимание локальные особенности городской политики и местных сообществ.

В статье рассматриваются особенности постсоветского контекста градостроительства, который характеризуется переходом от централизованного к рыночному управлению городом [Friedman, 2005; Golubchikov, 2006]. При этом институты, регулирующие экономику, а также нормативные акты, контролирующие рынок городского планирования, находятся в процессе формирования [Friedman, 2005]. Правила и логики управления переопределяются и реформируются. В контексте дискуссии о центре/периферии учет этого позволяет проследить логику управления, субъектов планирования, выявить «авторитетные» дискурсы и концептуализировать изменения, происходящие в планировочном процессе.

Статья состоит из трех частей. В первой части рассматривается управление наследием и роль различных дискурсов в этом процессе. Во второй реконструируются политические, экономические и социальные условия, в среде которых возникают новые управленческие логики и дискурсы Санкт-Петербурга. В третьей части анализируется кейс Большой Морской улицы, иллюстрирующий дискурсы, используемые различными группами в ходе архитектурного конкурса. Проекты Большой Морской улицы демонстрируют столкновение планировочных парадигм, различающихся по эпистемическим основаниям (формам рациональности) и дискурсивным практикам. Основная идея статьи заключается в том, что на примере архитектурных проектов Большой Морской улицы можно проследить, каким образом новые акторы градостроительного процесса (гражданские и активистские группы) стремятся контролировать управление наследием и активно «мобилизуют» рыночные и международные дискурсы, выстраивая новые идентичности.

¹ Термин «гвернаментальность» не переводится на русский язык без потери смысла (см. [Каплун, 2019]), но для лучшего усвоения материала статьи в дальнейшем будет использоваться слово «управление».

Контроль над управлением городским наследием

Городское планирование зависит от тех, кто обладает достаточным автономным политическим авторитетом и может выбирать проект для последующей реализации. Историк Стивен Бокинг утверждает, что в истории городского управления прослеживается взаимосвязь между городской экспертизой и политикой. Это подтверждается тем, что различные экспертные группы часто подотчетны представителям власти или бизнеса, напоминая о том, что «города появляются не только из чертежей и таблиц планировщиков и инженеров» [Bocking, 2006, p. 54]. Существует борьба между различными группами за то, как представлять городское пространство. Тот, кто получает возможность решать, как оно может выглядеть, получает властный ресурс контроля над управлением. Исследовательница Лораджейн Смит показывает, что контроль над наследием позволяет, во-первых, определять групповую идентичность. Во-вторых, у акторов появляется возможность требовать соблюдения их прав в рамках этой созданной идентичности. В-третьих, он позволяет переосмыслить конструирование культурной памяти и обсуждать культурные изменения [Smith, 2006, p. 295].

Рассматривая примеры борьбы за контроль над объектами архитектурного наследия, Смит выделяет два типа дискурсов в этом процессе: «авторитетные» и «подчиненные» (англ. — subaltern). Авторитетные дискурсы принадлежат группам, обладающим властью проводить экспертизу и решать, что является или не является наследием. К таким группам относят государство, поддерживаемых государством историков, археологов, архитекторов и бизнес-элиты, которые решают, какие пространства города требуют особого внимания. Важную роль в авторитетных дискурсах играет фигура «посетителя», которая предполагает пассивную роль наблюдателя, не вмешивающегося в управление. Исследование Смит подчеркивает европоцентризм авторитетного дискурса, его невнимание к местным особенностям. Вторая группа дискурсов — подчиненные дискурсы (или субалтерны) — это способы участия местных сообществ в управлении и сохранении объектов наследия. Такие сообщества объединяются в рамках политики культурной идентичности и ставят вопрос о том, кто имеет право выбирать, какой объект наследия важен и какая архитектурная концепция будет реализована [Smith, 2006, p. 29].

Подход Смит к выделению авторитетных и подчиненных дискурсов принимает в качестве отправной точки понимание дискурсов «как особого ассамбляжа идей, концепций и категоризаций, которые производятся, воспроизводятся и трансформируются в конкретный набор практик, за счет которых происходят физические и социальные изменения» ([Hajer, 1996, p. 44], цит. по [Smith, 2006, p. 14]). Используя идеи Феркло [Fairclough, 2001, p. 235], Смит показывает, что дискурсы «изначально позиционированы», они порождают различные способы управления «наследием» в соответствии с позициями социальных субъектов [Fairclough, 2001, p. 235]. Эти дискурсы и практики становятся частью конститутивного культурного процесса, который идентифицирует объекты и места, которым придается значение и ценность как «наследию», отражая современные культурные и социальные ценности [Smith, 2006, p. 4]. Идея наследия используется для конструирования, реконструирования и согласования идентичностей, социальных и культурных ценностей и значений: «На одном уровне наследие — это продвижение авторитетной версии истории, поддерживаемой государством, учреждениями культуры и элитами для регулирования культурной и социальной напряженности. На другом уровне наследие также может быть ресурсом, который используется для того, чтобы оспаривать и переопределять <...> идентичности для ряда подчиненных групп» [Smith, 2006, p. 4].

Концепция Смит показывает отличия в позициях дискурсов наследия, но не позволяет прояснить различия, существующие внутри этих позиций. Например, в ее терминологии под авторитетным дискурсом понимаются государственные, рыночные и академические дискурсы. Тем не менее эти дискурсы могут конкурировать друг с другом в зависимости от местного контекста (например, российского, где рыночный и государственный дискурсы не всегда совпадают). Исследование Смит направлено на раскрытие доминирующего западного, европоцентричного дискурса при работе таких организаций, как ЮНЕСКО, с объектами культурного наследия. В российском контексте интерес представляет то, какие дискурсивные практики привлекаются участниками планировочного процесса и каким образом они сталкиваются с ситуацией существующего политического режима и политикой городского управления и благоустройства. Идентификация исторически, институционально и политически обоснованного дискурса позволяет определить то, каким образом трансформируются представления о значе-

нии того или иного объекта наследия и каковы смыслы, которые он несет для создания культурной и социальной идентичности [Smith, 2006].

Статья «Неолиберализм, режимы наследия и культурные права» [Coombe, Weiss, 2015] посвящена рыночному и неолиберальному управлению в архитектурном наследии. Авторы показывают, что исследования наследия должны стремиться к более полному пониманию неолиберализма, управления (как гвернаментальности) и прав человека. В концепции гвернаментальности (governmentality) власть распределяется через правила, способы взаимодействия, дисциплинарные техники и другие практики [Foucault, 1991; 1994]. По мнению Комб и Вайс, неолиберальная гвернаментальность является «конститутивной формой культурной политики, ориентированной на организацию саморегулируемых и самоуправляющихся сообществ» (цит. по [Coombe, Weiss, 2015, p. 48]). В исследованиях наследия термин «неолиберальный» используется в качестве общего прилагательного для государственных, политических и экономических практик и процессов, направленных на консьюмеризацию наследия, превращение его в товар. Эти процессы связаны с экономической глобализацией и расширением международного туризма [Coombe, Weiss, 2015, p. 44]. Теоретики неолиберализма рассматривают управление наследием как область современной регулятивной трансформации [Brenner, Peck, Theodore, 2010], которая является «проектом навязывания рыночных дисциплинарных форм регулирования» в практику редевелопмента территорий [Coombe, Weiss, 2015, p. 44]. При этом антропологические исследования вносят вклад в понимание неолиберализма как неоднородного процесса, в котором передача идей и коммодификация развиваются неравномерно на различных территориях [Brenner, Peck, Theodore, 2010, p. 184; Coombe, Weiss, 2015, p. 44]. Управление наследием, таким образом, передается «новым агентам и коалициям, совместным партнерствам, государственно-частным альянсам, НКО, международным органам власти и транснациональным корпорациям» [Coombe, 2012, p. 378] цит. по [Coombe, Weiss, 2015, p. 45]. Это усложняет поддержание простых дихотомий в управлении, таких как государство и граждане, рынок и потребители, государство и рынок. Комб и Вайс показывают, что управление наследием происходит одновременно через международную политику, национальное законодательство, местные правила и требования рынка [Coombe, Weiss, 2015, p. 45].

Антропологические подходы к неолиберализму по-разному трактуют понятие управления, но соглашаются в том, что оно осуществляется с помощью технологий [Ong, 2007] — локальных программ, статистики, аппаратов, методов, способов исследования и процессов оценки, с помощью которых осуществляется «управление на расстоянии». Эти технологии понимаются как «технологии субъективации» [Hilgers, 2010, p. 359], цит. по [Coombe, Weiss, 2015]), которые осуществляются через «регулируемую свободу» [Rose, Miller, 2010, p. 272], цит. по [Coombe, Weiss, 2015]). Не ограничивая, а развивая личную автономию, они являются средствами, с помощью которых такая технология выполняет свою социальную роль. Таким образом, Комб и Вайс подчеркивают значение городских сообществ в проведении неолиберальной политики посредством технологий управления. Одним из таких подходов является, например, партиципация, которая закреплена в международных программах ЮНЕСКО и транслируется в страны, где нет сложившейся политической культуры гражданского участия.

К теме участия социальных движений и городских сообществ в управлении городским наследием обращаются исследователи Кьяра де Цезари и Майкл Херцфельд. Последствия действий местных групп и неправительственных организаций, по мнению антропологов, могут привести к проблемам воспроизводства неолиберальной управляющей стратегии [Cesari, Herzfeld, 2015, p. 172] и быть связаны с государственной политикой. В качестве примера процесса неолиберального управления они приводят проект возрождения городского парка Таксим-Ге-зи в Турции, где борьба за городское наследие привела к конфликту между правительством и активистами [Cesari, Herzfeld, 2015]. Проект, который представители властных структур называли «городским возрождением», предполагал замену парка начала XX века торговым центром. Государство и местные группы пытались навязать свое видение и соотносили «свои локальные интересы с более широкими национальными моделями идентичности» [Cesari, Herzfeld, 2015]. Эти процессы привели к взаимному совместному обучению и кооптации, или, как это определяется в статье, — управлению наследием (англ. — heritagization):

Управление наследием становится взаимной кооперацией или борьбой за контроль над практическими последствиями государственного управления. Оно маскирует цели и прак-

тику городского контроля и накопления капитала, а также превращает исключительно локальные интересы в общее благо [*Cesari, Herzfeld, 2015, p. 177*].

Кроме того, управление наследием позволяет использовать правовые, академические и моральные инструменты в качестве элементов экспертизы, не проводя границ между ними, представляя их как объективные и существующие вне политики [*Cesari, Herzfeld, 2015, p. 172*].

Таким образом, в этой части статьи были выделены основные подходы в исследованиях управления наследием. Последнее включает формы рациональности (рыночные, государственные, гражданские), технологии, с помощью которых эта рациональность управления может распространяться, и создание субъектов управления — самоуправляющихся сообществ, которые рассматривают себя как ответственных за изменения. При этом важной проблемой обозначенной дискуссии является сосуществование друг с другом различных типов дискурсов, а также мимикрия неолиберального дискурса за счет технологий управления, таких как вовлечение жителей и местных сообществ, представление их как акторов, ответственных за городские изменения.

Методология исследования

В исследованиях городского планирования выделяется два подхода к анализу дискурсов [*Jacobs, 2006; Lees, 2004*]. Первый подход — марксистский — подчеркивает важность идеологий, которые позволяют группам, имеющим власть, осуществлять гегемонию. Этот подход включает критический дискурс-анализ Феркло, а также исследования «дискурсивных коалиций» (*Dryzek, 1993; Fisher, Healey, 1995; Newman, 1996; Rydin, 1998*), цит. по [*Jacobs, 2006*]). Второй подход берет свое начало от исследований Фуко и рассматривает власть как сеть отношений. В этом подходе реализация власти осуществляется не только за счет индивидов, но включает институты и практики. Эти отношения конструируют социальные проблемы и «режимы правды» о том, какие проблемы признаются социальными, а также то, какими способами их необходимо решать. Язык в таком дискурс-анализе не только конституирует властные отношения, но и конституируется ими (*Atkinson, 1999; Stenson, Watt, 1999; Sharp, Richardson, 2001*) цит. по [*Jacobs, 2006*]). Джейкобс показывает, что дискурсы в фукодианских исследованиях рассматриваются как сложная сеть конкурирующих идей и ценностей, которые актуализируются в повседневных практиках. Поэтому основной задачей исследователей, по ее мнению, является идентификация конфликтов по поводу значений тех или иных практик, тесно связанных с обладанием властью [*Jacobs, 2006*].

Помимо этого, для понимания различных способов распространения власти исследователи концентрируют свое внимание на исторических изменениях. Например, статья Кристофера Меле (2000) о реструктурировании городских пространств в Нью-Йорке в 1920–1930-х годах показывает взаимосвязь между дискурсами о городе и материальными практиками его развития. Образы, символы и риторика, составлявшие дискурс о рациональном планировании, были неотъемлемой частью позиционирования заинтересованных сторон. Чтобы разъяснить и утвердить необходимость своего видения конфигурации действий и политики реконструкции, стороны опирались на представления о внутреннем городе и концепции социального прогресса [*Mele, 2000, p. 645*].

В данной статье я использую фукодианский подход к анализу дискурсов как ассамбляжу идей, практик, технологий управления и рассматриваю различные масштабы распространения этих дискурсов: как глобальные, рыночные, неолиберальные, международные, так и локальные, национальные, местные. Аналитические материалы включают дневники включенного наблюдения в процесс создания одной из концепций (№ 4 в последующем изложении), серию полуструктурированных интервью (N=10) с представителями гражданских групп, принимающих участие в конкурсе на подготовку архитектурной концепции улицы, анализе материалов СМИ и социальных сетей. Был проведен анализ нормативных документов, а также дискурс-анализ материалов архитектурных концепций для выявления дискурсов, воплощенных в архитектурных объектах. В качестве единиц анализа рассматриваются формы рациональности (правовые, академические, морально-ценностные, рыночные), технологии, а также субъекты управления наследием. Необходимо понять, в каких институциональных, социально-политических условиях они существуют и как конструируют групповые идентичности.

Наблюдения проводились в 2015–2016 годах, у автора был доступ к гражданским группам, разрабатывающим проекты реконструкции улицы, также проводилось включенное наблю-

дение обсуждения проектов нескольких групп (проекты 2, 3 и 4 в последующем изложении). В ходе наблюдения фиксировались дискурсы (правовые, рыночные, морально-ценностные, академические) и способы аргументации при проектировании городских пространств, исторические образы, к которым обращались проекты, а также роль в проекте посетителей улицы (соучастие). Наблюдение позволило понять изнутри, выявить логики и типы рациональности, привлекаемые в качестве легитимации.

Выбранный для анализа случай является уникальным в истории планирования общественных пространств Санкт-Петербурга. Несмотря на то что пешеходные улицы стали появляться с 1997 года в ходе процессов глобализации и туристификации города, пешеходизация Большой Морской отличается тем, что предложение по реконструкции этого городского пространства было инициировано гражданской группой. Последняя, таким образом, выступила в качестве агента, претендующего на контроль над городским пространством. Помимо этого, уникально то, что комитетом по градостроительству и архитектуре был организован открытый архитектурный конкурс, и в его финал вышел проект гражданской группы. Для понимания того, как это стало возможно, ниже будет рассмотрен социально-политический контекст управления городскими территориями в Санкт-Петербурге.

Институционализация участия граждан в городском планировании на примере Санкт-Петербурга

Современная российская городская политика трансформируется. В частности, изменяются механизмы участия граждан в городском планировании. В 2017 году изменяются Градостроительный кодекс и отдельные законодательные акты, а также впервые с 2003 года был изменен порядок публичных слушаний. Если раньше этот формат предполагал личное взаимодействие жителей с представителями власти, то в настоящее время взаимодействие может осуществляться через онлайн-платформы². В Санкт-Петербурге, помимо публичных слушаний городских проектов, существуют и другие формы вовлечения граждан в решение городских проблем: проекты партиципаторного бюджетирования «Твой бюджет», форматы общественных движений, лоббирование городских изменений через депутатов, общественных деятелей, политические партии и НКО, проводящие исследования (через активистские и инициативные группы), государственные платформы для сбора инициатив граждан. Тем не менее все эти формы имеют ограничения для участия граждан. В данной статье отмечается их легальное существование и возможность использования заинтересованными группами.

Чтобы понять условия и контекст, в которых возникает развитие новых форм участия, необходимо проанализировать политическую и экономическую повестку России и Санкт-Петербурга.

Социолог Анна Желнина показывает, каким образом происходила трансформация политики управления Санкт-Петербургом после распада Советского Союза. Если в СССР управление городом фактически контролировалось государством, то в постсоветский период новой фигурой в планировании городских пространств становится инвестор [Zhel'nina, 2013, p. 59]. Это объясняется изменением курса политики и ориентацией на привлечение иностранных инвестиций. Помимо этого, появление публичных пространств является следствием экономической стратегии по «европеизации» города [Zhel'nina, 2013, p. 59], так как пешеходные улицы с магазинами более выгодны для бизнеса, чем автомобильные магистрали. «Стратегический план Санкт-Петербурга» в 1996–1997 годах включал пункт по улучшению качества жизни и созданию выгодных условий для привлечения инвестиций, продвижения города на международном уровне [Zhel'nina, 2013, p. 59]. Ориентация на «европейскость» стала не только экономической стратегией, но и апелляцией к качеству жизни горожанина [Zhel'nina, 2013, p. 60]. Тем не менее «европейскость» оставалась только на уровне дизайна и визуальной репрезентации, но не включала граждан в процесс городского управления [Zhel'nina, 2013, p. 60].

Артур Батчаев и Борис Жихаревич, анализируя стратегии экономического развития, показали, что «в рамках Программы социально-экономического развития Санкт-Петербурга на 2008–2011 годы была проведена работа по изменению системы государственного планирования» [Батчаев, Жихаревич, 2014]. Основными документами в этой системе были «Кон-

² Проект рейтингового голосования по городской среде представили в ООН//Минстрой РФ: <http://www.minstroyrf.ru/press/proekt-reytingovogo-golosovaniya-po-gorodskoy-srede-predstavili-v-oon>.

цепция развития» и «Генеральный план города». Они были приняты на длительный срок, и это, по мнению авторов, привело к тому, что работа по планированию и отчетности стала самоцелью и занимала все основное время чиновников [Бачаев, Жихаревич, 2014, с. 79]. В 2011 году пакет документов государственного планирования меняется. В него входит прогноз социально-экономического развития, программа социально-экономического развития Санкт-Петербурга, основные направления деятельности правительства Санкт-Петербурга, перечень показателей социально-экономического развития, в который включены задачи, показатели выполнения заданий, уровень жизни. Тем не менее, как отмечают авторы анализа, «работа по актуализации Концепции была продолжена, план был отменен, сменилось руководство городского комитета, отвечающего за экономическое развитие. Новый глава предложил кардинально изменить формат Концепции, взяв за основу *западные* (выделено мной. — Прим. авт.) модели, чтобы документ был коротким, ориентированным на небольшое количество приоритетов, ярким по форме. Новая концепция была разработана в течение двух лет <...> и одобрена правительством города в марте 2012 года. Среди приоритетов были: городская среда и транспорт, образование, здравоохранение, культура» [Батчаев, Жихаревич, 2014, с. 80]. Таким образом, вопросы качества городской среды вышли на первый план в документе по экономическому развитию в 2012 году.

С 2011 года городское экономическое управление начинает ориентироваться на «западные» модели, происходит заимствование определенных образцов в области планирования. При этом в политическом дискурсе не конкретизируется понимание «западных» моделей. Помимо этого, ориентация на модели планирования других стран предполагает изменение системы законодательства, так как российская система наследует советскую логику планирования и градостроительные нормативы. Такое заимствование может проходить беспрепятственно только в случае изменения градостроительного законодательства. В случае России это постепенно происходит. В 2018 году вводятся новые законодательные акты: отказ от генеральных планов в крупных городах, упрощение процедур внесения изменений в правила землепользования и застройки и т. д.³ Тем не менее эти нововведения включают местные особенности, способствующие интерпретациям законодательства местными комитетами по архитектуре, мэриями и т. д.

В 2013 году в Санкт-Петербурге был подготовлен документ по совершенствованию государственного планирования и разработан проект «Стратегии-2030», обсуждение которого проводилось с участием научных, образовательных учреждений, отраслевых ассоциаций, предпринимателей и общественных организаций Санкт-Петербурга [Батчаев, Жихаревич, 2014, с. 80].

Таблица 1. Периодизация изменений, оказавших влияние на процессы планирования и управления в Санкт-Петербурге

Год	Изменения в градостроительном законодательстве
2008–2011	Изменение системы государственного планирования. Появились такие документы, как «Концепция развития» и «Генеральный план города»
2011	Изменение набора документов по планированию: прогноз социально-экономического развития, программа социально-экономического развития Санкт-Петербурга, основные направления деятельности Правительства Санкт-Петербурга, перечень показателей социально-экономического развития, включающие задачи, показатели выполнения задач, уровень жизни
2012	Смена главы комитета по экономическому развитию, изменение формата Концепции развития. В приоритете городская среда и транспорт, образование, здравоохранение, культура. Федеральная программа «Создание комфортной городской среды»
2013	Разработка концепции «Стратегия-2030»
2013–2017	Изменения в Градостроительном кодексе и некоторых законодательных актах Российской Федерации, впервые с 2003 года была изменена процедура публичных обсуждений
2015	Россия подписывает документ ООН по устойчивому развитию, цели которого включают сбалансированное развитие городов и населенных пунктов

³ Путин поручил в крупных городах заменить генпланы документами стратегического развития//ТАСС, 19.12.2018: <https://asinfo.ru/news/84106-putin-poruchil-prorabotat-otkaz-ot-genplanov-v-krupnykh-gorodakh>.

По мнению аналитиков Алексея Балашова и Анны Саниной, «План развития Санкт-Петербурга во многом игнорирует мнение лидеров общественности» [Балашов, Санина, 2016, с. 204]. Авторы показывают, что существует кризис доверия к государственным институтам выборов и власти, который порождает появление экспертных групп, выдвигающих предложения по выявлению реальных проблем от имени активных групп граждан. Помимо экономических стратегий, существуют государственные программы, влияющие на деятельность инициативных групп, они встроены в управленческий процесс — за счет этого могут решаться различные местные проблемы. Качество городской среды становится одной из повесток выборов 2012 года, во время и после которых создаются государственные программы «Доступная среда», «Создание комфортной городской среды», «Безопасные и качественные дороги», «Обеспечение качества жилищно-коммунального хозяйства».

Появление различных городских государственных программ и учебных курсов по урбанистике в университетах говорит о том, что тема градостроительства актуальна как для федеральных властей, так и для граждан, которые готовы включаться в обсуждение развития городских территорий. Одновременно тема глобальных и рыночных процессов, связанных с изменением городов, актуальна в мире. Так, в 2015 году Россия подписывает документ ООН об устойчивом развитии, в котором есть пункт о развитии городов⁴. Поэтому урбанистический дискурс является как локальным, так и глобальным. Здесь важно отметить, что центр Санкт-Петербурга находится под охраной ЮНЕСКО, что также включает город в глобальную проблематику определенных правовых ограничений на изменения.

Таким образом, институционализация новых практик управления городами, в том числе управления наследием в них, является многоуровневым процессом. С одной стороны, существует запрос от властей, разрабатывающих федеральные программы по планированию городов, с другой — есть международное влияние и обязательства России перед другими странами. Все вышеописанные процессы показывают как международный, государственный, так и гражданский интерес к управлению городским наследием. В России общая логика системы управления наследует советские градостроительные принципы планирования, в которых государство является ключевым актором планировочного процесса. В такой системе гражданам предлагается место респондентов, которые формально могут принимать участие в планировании, но фактически это участие не может изменить общую логику планировочного процесса. Это позволяет концептуализировать дискурс граждан в такой системе как подчиненный (субалтерный), а дискурс государства — как авторитетный [Smith, 2006].

Проекты Большой Морской улицы: профессиональные и гражданские

Следующая часть статьи будет посвящена описанию фрагмента Большой Морской улицы от Невского проспекта до Главного штаба и вариантов его изменения. Улица пересекает центральный проспект города и ведет к главной городской площади — Дворцовой. Объект исследования — обсуждение функциональной трансформации фрагмента городского пространства. Обсуждение изменения улицы проходило с 2012 по 2017 год и было инициировано группой активистов, а затем поддержано комитетом по градостроительству и архитектуре Санкт-Петербурга. До сентября 2015 года улица представляла собой парковочную зону для автомобилей, которая затем стала открыта только для пешеходов и технического проезда. Летом 2016 года в городе был проведен открытый конкурс архитектурных проектов Большой Морской. В рамках этого конкурса группам было предложено техническое задание. На конкурс⁵ было отправлено десять проектов, однако в финал вошли только пять, три из которых описаны в данной статье. Также рассмотрен проект, который не принимал участие в конкурсе, однако важен для дискуссии о дискурсах в управлении наследием.

Первый проект выполнен двумя архитектурными мастерскими, которые были поддержаны комитетом по градостроительству и архитектуре и Эрмитажем. Команда предложила превратить часть улицы в аванзал Эрмитажа, в музей под открытым небом. Команда воспроизводила авторитетный дискурс о музеефикации этого пространства, который был поддержан комитетом:

⁴ Цели в области устойчивого развития//ООН: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/about/development-agenda>.

⁵ Как будет выглядеть Большая Морская//Фонтанка, 12.07.2016: <https://www.fontanka.ru/2016/07/12/124>.

Архитектурное решение пешеходного пространства должно не только органично вписываться в контекст исторического центра, но и служить своего рода аванзалом Государственного Эрмитажа. (Из выступления главного архитектора города.)

То, что этот проект был создан государственным и частным бюро, повлияло на функционал улицы, которая стала аванзалом Эрмитажа. Музеефикация является одной из логик управления городским наследием, а также примером рыночного регулирования городских пространств. Авторы данного проекта уже участвовали в реконструкции Невского проспекта. Чтобы Большая Морская стилистически соотносилась с другими улицами в центре города, архитекторы использовали гранит, в том числе для уличных скамеек. С одной стороны, архитекторы аргументируют свой выбор тем, что дизайн улицы должен соотноситься с архитектурой в центре города⁶. С другой — встает вопрос о том, какой дизайн и для каких социальных групп выбирается архитекторами [Bocking, 2006; Smith, 2006]. Основная критика этого проекта исходит из того, что гранитные скамейки ограничивают возможность пребывания на них определенных социальных групп (в том числе бездомных) в течение долгого времени. В интервью СМИ один из руководителей этого проекта отмечает:

Главная идея — не испортить то, что создано великими нашими предками, и дать возможность в этом пространстве существовать разным поколениям, разным видам деятельности: от игровых ситуаций до проведения, может быть, открытых выставок. Может быть, городской скульптуры⁷.

Проект "АМ-ТРИ" и "Хвоя"

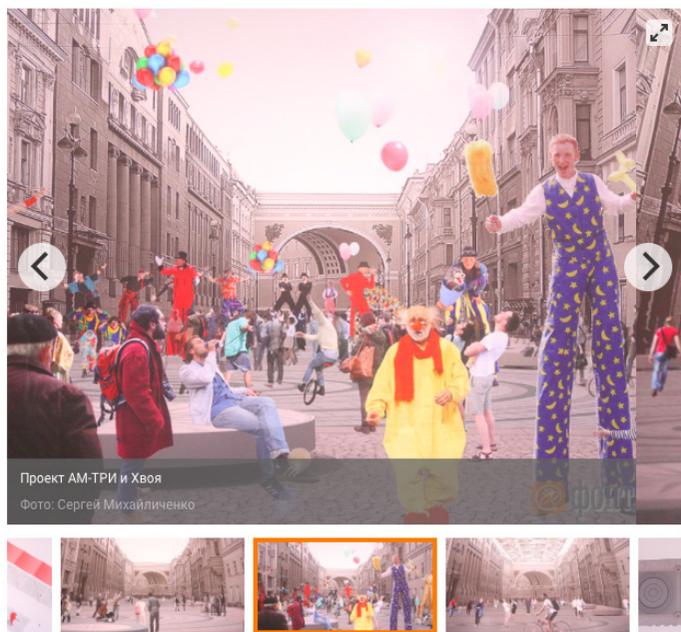

Рис. 1. Проект архитектурного бюро, поддержанного комитетом по градостроительству и Эрмитажем

Источник: <https://www.fontanka.ru/2016/07/12/124>.

Таким образом, проект предполагает логику исторического дискурса: «не испортить то, что уже было создано». Это логика консервации наследия, которая при этом представляет удовлетворяющей интересы различных социальных групп. Помимо этого, проект предлагает определенный образ посетителя улицы: это образ наблюдателя, не участвующего в создании пространства, которое уже наполнено мероприятиями для него. На первом рисунке — это клоуны, выступающие перед удивленной публикой. На втором — купол, возвышающийся над домами.

Второй проект⁸ авторства деятелей петербургской культуры — архитекторов и скульпторов, в том числе бывшего ректора Института живописи им. Репина. Они предложили воссоздать скамейки начала XX века, провели вдоль улицы бронзовую линию, напоминающую о Пулковском меридиане, который через нее проходит. Антураж был дополнен бронзовыми гвардейцами, таким образом подключались различные исторические дискурсы (Пулковский меридиан и Отечественная война 1812–1814 гг.). Кроме того, они обратились к патристическому дискурсу, представляя конкретное событие и создавая пространство, которое бы стало местом памяти. В этом проекте улица приобретает новый статус, который предназначен для увековечения памяти о войне. Этот

проект также поддерживает логику музеефикации и консервации городского пространства. Посетитель улицы так же, как и в предыдущем проекте, становится наблюдателем, но не участником событий.

6 См. информацию о проекте: https://vk.com/wall-38228859_91583.

7 Преображение Большой Морской: после реконструкции часть улицы станет парадным ходом на Дворцовую // Санкт-Петербург, 13.11.2017: <https://topspb.tv/news/2017/11/13/preobrazhenie-bolshoj-morskoj-posle-rekonstrukcii-chast-ulicy-stanet-paradnym-vhodom-na-dvorcovuyu>.

8 Как будет выглядеть Большая Морская // Фонтанка, 12.07.2016: <https://www.fontanka.ru/2016/07/12/124>.

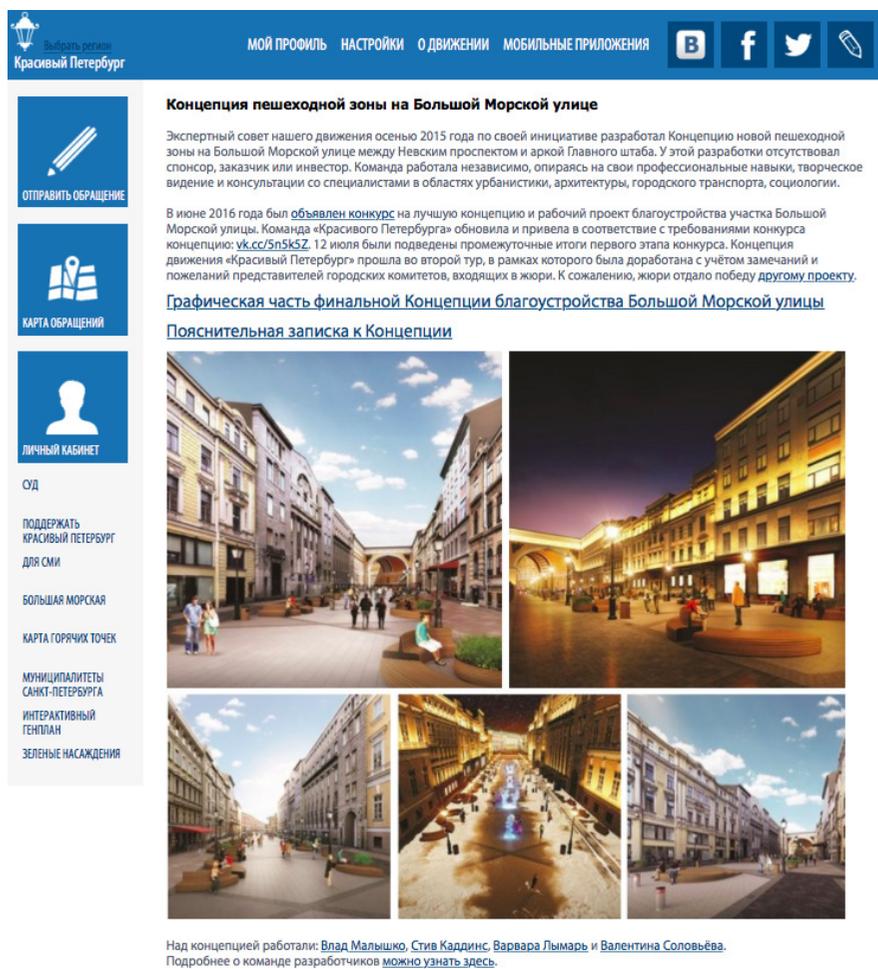

Рис. 2. Проект, созданный гражданской группой 1

Источник: <http://красивыйпетербург.рф/bm>.

Гражданская группа инициировала обсуждение части Большой Морской в 2012 году. Она представила свой проект в нескольких вариантах для разных погодных условий, были предложены варианты озеленения улицы. Новшеством стала возможность для прохожих передвигать деревянные скамейки в соответствии со своими предпочтениями и нуждами. При создании проекта был проведен онлайн-опрос тех, кто был заинтересован предложить какие-либо идеи трансформации улицы. Этот проект был ориентирован на функциональность улицы для пешехода: представлены элементы, позволяющие задержаться и провести здесь какое-то время, хотя прежде улица использовалась как парковочная зона:

Задача проекта — создание функционального общественного пространства, привлекательного для различных групп населения и учитывающего их интересы, имеющего лаконичный архитектурный облик и соблюдающего баланс между использованием современных решений и сохранением исторического контекста улицы. (Из описания проекта улицы)⁹

Концепция была предложена архитекторами, градостроителями и инженерами. Информация о концепции, включающая обоснование выбранных элементов благоустройства и анализ исторического контекста, была открыта для всех горожан, имеющих доступ в интернет (в отличие от предыдущих проектов). Граждане города, не имеющие интернета, не смогли принять

⁹ Концепция благоустройства территории Большой Морской улицы: http://krasimir.org/files/BM_KP_Concept_Text_2016-2.pdf.

участие в дискуссии, что способствовало воспроизводству неравенства в доступе к информации и возможностям участия в обсуждении проекта. В то же время идея проекта о том, что горожане могут влиять на дизайн улицы, является новой для Санкт-Петербурга и не использовалась профессиональными архитекторами.

В процессе создания этого проекта участники группы представляли вице-губернатору города результаты своих исследований по подсчету пешеходов. В ходе обсуждения создатели проекта апеллировали к авторитетным дискурсам государства: техническому заданию, нормативам и законам.

Вам обязательно нужно посмотреть техническое задание конкурса. Здесь было огромное количество ограничений <...>. В этом месте запретили ставить любую зелень, кроме цветов, низких кустиков в вазонах и прочего сезонного озеленения. Даже наши невысокие можжевельники в кадках из версии 1-го тура сказали убрать. Так что, надеюсь, учтя условия конкурса, вы поменяете свое отношение к нашей концепции. (Из социальных сетей группы)

Таким образом, участники группы предложили новый образ городского пространства и вовлекли жителей в обсуждение проекта через онлайн-опрос. Логика данного проекта скорее техническая: группа сосредоточилась на выполнении требований государственного технического задания. В ходе обоснования проекта архитекторы и планировщики предложили рассмотреть другие общественные пространства в России и за рубежом. Основными возможностями людей на улице становится посещение новых кафе, рекреация, а также спорт — езда на велосипеде.

Таким образом, данная группа воспроизводила дискурс устойчивого развития (велосипедизация и экоматериалы), а также учла важность самоощущения посетителей улицы, которым должно быть комфортно. Это указывает на представление о посетителе как клиенте, желания которого необходимо учитывать в процессе планирования. Группа воспроизвела дискурс соучастия, рекомендуемый международными организациями, в том числе ЮНЕСКО, но привлекла жителей к обсуждению проекта лишь через онлайн-опрос, ограничив возможности тех, кто не пользуется интернетом.

Рис. 3. Проект гражданской группы 2

Источник: https://vk.com/album-64779227_227398095.

Проект следующей гражданской группы не был частью государственного конкурса. Участники группы хотели поддержать участие граждан в обсуждении трансформации Большой Морской. Кроме того, группой был проведен анализ изменяемого участка с использованием мето-

дик¹⁰ Яна Гейла, урбаниста и преподавателя из Копенгагена. Помимо этого, была использована технология партиципации для взаимодействия с местными жителями и туристами — в центре улицы был установлен ее архитектурный макет. Прохожие могли не только увидеть воплощенный в миниатюре проект, но и поделиться своим мнением о нем. Это позволило, помимо всего прочего, выделить конфликтующие представления жителей о городском пространстве.

Акцент в проекте был сделан на создании пространства, в котором горожанин хочет задержаться. Авторы проекта проводили опрос прохожих, брали интервью у представителей местного бизнеса, тем самым вовлекая их в обсуждение процесса редевелопмента. Таким образом, данное сообщество сосредоточилось на вовлечении горожан в обсуждение проекта, в то время как архитектурный проект спровоцировал дискуссию.

Интерес в проектах гражданских групп представляют велодорожки, которые являются выражением политической позиции по поводу доступности города для различных социальных групп. В частности, создатели этих проектов продвигают права велосипедистов и возможность их присутствия в городском пространстве. В Петербурге в то время активно развивалось велосипедное движение, которому впоследствии удалось добиться развития велосипедных маршрутов в городе.

Победителем конкурса стал первый проект, который был отправлен на доработку. Официально представители комитета объявили, что все проекты «искажают исторический облик улицы». Эта позиция была аргументирована тем, что данная территория охраняется ЮНЕСКО и как-либо радикально реконструировать ее недопустимо. В 2017 году была проведена реконструкция на деньги инвесторов компании «Газпром». Заменяли дорожное покрытие, восстановили брусчатку, а также установили фонтан, как это и предполагалось в проекте.

Дискурсы в управлении наследием

Вышеизложенный пример показывает различные дискурсы и рациональности управления наследием и их отличия, определяемые предлагающими их сообществами (табл. 2). Профессиональные архитекторы сосредоточились на исследовании стилей и ориентировались на свой опыт создания городских пространств: профессиональное образование, архитектурные исследования. Они воспроизводили исторические, патриотические дискурсы. Их проекты по дизайну напоминали другие пространства пешеходных улиц центра города и тем самым воспроизводили авторитетный архитектурный дискурс.

Гражданские группы, помимо реконструкции, предлагали еще и определенные техники управления пространством: исследования публик (партиципация, метод подсчета пешеходов Гейла), партиципаторное участие жителей в планировании. Но существовала и градация по включенности жителей в проекты сообществ: онлайн и офлайн. Наряду с этим была значима роль материалов перепланировки: гранитные скамейки в гражданских проектах заменены на деревянные — это было вызвано рационализацией бюджета на реконструкцию городского пространства, ориентацией на пешеходов, что соотносится с рыночной логикой управления.

Таблица 2. Типология дискурсов в архитектурных проектах

Дискурсы	Архитектурное бюро, поддержанное Эрмитажем	Архитектурная студия	Гражданская группа 1	Гражданская группа 2
Правовые дискурсы	Местные регламенты обустройства, местные градостроительные нормативы, Закон об охране архитектурного наследия (№ 820-7)	Местные регламенты обустройства, местные градостроительные нормативы, Закон об охране архитектурного наследия (№ 820-7)	Местные регламенты обустройства, местные градостроительные нормативы, регламенты конкурса, возможность граждан принимать участие в планировании, закон об охране архитектурного наследия (№ 820-7)	Возможность граждан принимать участие в планировании

¹⁰ Jan Gehl//Project for Public Spaces: <https://www.pps.org/article/jgehl>.

Академические	Архитектурный дискурс, исторический дискурс	Архитектурный, исторический дискурс	Инженерные, градостроительные	Междисциплинарные исследования
Морально-ценностные	Эстетический (эстетика Петербурга, петербургский стиль), политический авторитет (участие в реконструкции Невского проспекта), консервация наследия	Исторические, патриотические, эстетические, традиционные, консервация наследия	Клиентоориентированность, дискурс об открытых данных по архитектурным проектам, апелляция к международному опыту	Клиентоориентированность, дискурс об открытых данных по архитектурным проектам, апелляция к международному опыту, гражданский дискурс – участие в обсуждении проблем города
Рыночные дискурсы	Музеефикация	Музеефикация	Туристификация, стоимость проекта (низкая, по сравнению с другими), консьюмеризация объекта наследия	Туристификация, вовлечение местного бизнеса, консьюмеризация объекта наследия
Соучастие	Посетитель улицы как наблюдатель игрового шоу, уже организованного для него	Посетитель улицы как наблюдатель величественной архитектуры и патриот истории страны	Посетитель как клиент и участник процесса планирования, может устанавливать скамейки в комфортное положение, посещать магазины и кафе на улице, ездить на велосипеде. Обладает гражданской позицией, соучастие посредством онлайн-опроса	Посетитель улицы как участник процесса планирования, обладает гражданской позицией, соучастие через вовлечение местного бизнеса и сообщества

Источник: составлено автором.

Таким образом, в условно государственных и гражданских проектах существовала градация, которую можно рассмотреть через призму авторитетных и подчиненных дискурсов [Smith, 2006], связанных с изменением конкретного городского объекта. Финальная реконструкция улицы в 2017 году является примером авторитетного дискурса [Smith, 2006]. Участники имели политические аргументы — поддержка признанного музея и имеющийся опыт реконструкции в центре города. Несмотря на желание гражданских групп контролировать наследие путем участия в конкурсе, они воспроизводили доминирующую логику управления, поскольку именно комитет по градостроительству и архитектуре принимал окончательное решение.

Представляя новое видение улицы, гражданские группы предложили не только определенное будущее, но и образ жизни, связанный с проведением времени в публичном пространстве и участием в его планировании, то есть новую идентичность. Несмотря на то что гражданский проект не стал победителем конкурса, группа была легитимирована властью для участия в нем. Это создало пространство взаимной кооптации [Cesari, Herzfeld, 2015] и возможностей для переопределения авторитетного дискурса. Однако гражданские дискурсы вписывались в две доминирующие логики: городского архитектурного конкурса, где представители власти выбирали архитектурную концепцию будущего, и рыночную логику управления наследием, расчета выгод от перепланировки пространства и участия местных групп в обсуждении.

Модели управления и идентичности вокруг объектов обустройства городских пространств менялись в зависимости от идей тех проектов и групп, которые их выполняли (велодорожки и рыцари, адаптация места под разные погодные условия и «только летние месяцы», дерево и гранит). Проекты архитекторов выстраивали исторические, профессиональные дискурсы. Посетителям улицы в этих проектах предлагалось пассивное наблюдение за городским пространством. Проекты были направлены либо на сообщество профессионалов, либо на государство и инвесторов. Проекты гражданских групп хотя и стремились к учету интересов горо-

жан (пешеходы, велосипедисты, местный бизнес), в то же время исключали группы, которые не могли участвовать в обсуждении из-за технологических (в случае онлайн-исследования), временных барьеров и барьеров передвижения (в случае со вторым проектом активистов, когда прохожим было предложено оставить свои пожелания прямо на месте).

Типы рациональности, предложенные профессиональными и гражданскими группами, также отличались. Безусловно, новацией, которая не прослеживается на примере архитектурных концепций, но появляется в ходе интервью и обсуждений, является способ исследования и связанная с ним рациональность управления городских пространств профессиональными и гражданскими группами:

Мы поднимали вопрос о том, что давайте в техническом задании включим хотя бы раздел концепции, экономические обоснования, социологические опросы — все было саботировано, победили люди, у которых техническое задание начиналось со спецификации бордюрных камней. И когда я им задал вопрос: а вы считали вообще в зоне доступность, сколько там живет людей и кто им будет пользоваться — это вообще ввело их в ступор. (Из материалов наблюдений при обсуждении проектов реконструкции БМ)

Так социальные и экономические исследования проекта становятся важными элементами обоснования в архитектурных проектах гражданских групп. Это предполагает новые способы управления и новых участников процесса контроля над наследием (экономистов и социологов). Профессиональные студии воспроизводили градостроительную логику, поддерживаемую государством.

Таким образом, в этой части статьи было показано, как авторитетные и подчиненные дискурсы в проектах реконструкции городских пространств кооптируются и организуют новые пространства для построения идентичностей. Интерес представляет то, что гражданские группы хотя и стремятся выработать собственный дискурс, используют тем не менее идеи рыночного и международного дискурсов управления городским наследием, включающие цели устойчивого развития и консьюмеризации объектов наследия и не всегда согласующиеся с локальными условиями городского управления в Санкт-Петербурге. Так, авторитетным дискурсом в российском контексте является государственный дискурс. Подчиненные дискурсы о субъектности граждан, способах их участия не находят места в проекте-победителе. Ограничением анализа является то, что в статье исследуются только репрезентации проектов (на первом и втором этапах архитектурного конкурса), в то время как на этапе реализации участники могли изменить свои представления.

Выводы

В данном исследовании через призму концепции управления (как гвернаментальности) наследием были рассмотрены дискурсы, которые выстраиваются различными участниками планировочного процесса в Санкт-Петербурге. Был показан процесс институционализации планировочных практик под влиянием как глобальных акторов (ООН, ЮНЕСКО), так и отечественного законодательства, местных политических акторов, которые могут по-своему интерпретировать глобальные дискурсы планирования. Последние переносятся в постсоветский институциональный контекст с определенными правовыми логиками управления городом. В работе было рассмотрено, каким образом планирование может служить интересам различных политических групп, по-разному выстраивающих государственные, рыночные, академические, профессиональные политические дискурсы.

На примере архитектурных концепций реконструкции Большой Морской улицы были рассмотрены конкурирующие государственные и рыночные дискурсы. Дискурсы гражданских групп были рассмотрены через понятие *подчиненных (subaltern) дискурсов*, которые не имеют власти, но могут влиять на конструирование новых форм идентичностей. Гражданские группы в большей степени используют дискурсы вовлечения граждан в участие и контролирование городских пространств, а также поддерживают идею о субъектности граждан в правовом процессе. При этом такие дискурсы вписываются в рыночную неолиберальную логику, рассматривающую городские пространства как пространства потребления, и формируют ответственных граждан, готовых воспроизводить рыночную логику. Концепции профессиональных архитек-

торов и планировщиков обращались к патриотическим, историческим авторитетным дискурсам, поддерживая интересы властных и профессиональных элит. Между этими дискурсами существует взаимная кооптация. Участие гражданской группы в государственном конкурсе легитимировало позицию группы, а также сам конкурс, на котором комитет по градостроительству и архитектуре выбирал лучший проект. На примере представленных гражданских и государственных архитектурных проектов было показано, как происходит кооптация дискурсов, но одновременно возникают новые дискурсивные пространства для переопределения идентичности городских пространств, вовлечение новых акторов посредством партиципации.

Проекты реконструкции Большой Морской улицы иллюстрируют столкновение двух планировочных парадигм, различающихся по эпистемическим основаниям (формам рациональности) и дискурсивным практикам. Одна базируется на государственной (советской) логике планирования, в которой государство является ключевым актором планировочного процесса. Посредством законов, регулирующих актов, генеральных планов, экономических стратегий оно контролирует процесс планирования и принимает решения. Представители этой парадигмы (в данном случае признанные архитекторы и градостроители) выстраивают свой авторитет на основе исторических, традиционных дискурсов и профессионализма. Вторая парадигма выстраивается вокруг гражданской логики и возможности граждан принимать участие в планировании городских пространств. Представители второй логики привлекают международные дискурсы о гражданском участии, партиципации, а также выстраивают новые гражданские идентичности вокруг элементов благоустройства (велосипедные дорожки, деревья, деревянные скамейки). Легитимация концепции второй группы выстраивается за счет участия местных сообществ в контроле над объектами наследия, что соотносится с рыночной, неолиберальной логикой, рассматривающей их как субъекты управления.

Источники

- Балашов А.И., Санина А.Г. (2016) Стратегические ориентиры развития Санкт-Петербурга: противоречия декларируемых ценностей и практик городского управления//Журнал исследований социальной политики. Т. 14. № 2. С. 197–212.
- Батчаев А.Р., Жихаревич Б.С. (2014) Санкт-Петербург в постсоветский период: экономические стратегии и развитие//Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 4 (34). С. 68–83.
- Каплун В. (2019) Перестать мыслить «власть» через «государство»: *gouvernementalité*, *governmentality studies* и что стало с аналитикой власти Мишеля Фуко в русских переводах//Логос. Т. 29. № 2. С. 179–220.
- Atkinson R. (1999) Discourses of Partnership and Empowerment in Contemporary British Urban Regeneration//Urban Studies. Vol. 36. No. 1. P. 59–72.
- Bocking S. (2006). Constructing Urban Expertise: Professional and Political Authority in Toronto, 1940–1970//Journal of Urban History. Vol. 33. No. 1. P. 51–76.
- Brenner N., Peck J., Theodore N. (2010) Variegated Neoliberalization: Geographies, Modalities, Pathways//Global Networks. Vol. 10. No. 2. P. 182–222.
- De Cesari C., Herzfeld M. (2015) Urban Heritage and Social Movements//Global Heritage: A Reader/L. Meskell (ed.). Wiley-Blackwell. P. 171–195.
- Coombe R., Weiss L. (2015) Neoliberalism, Heritage Regimes and Human Rights//Global Heritage: A Reader/L. Meskell (ed.). Wiley-Blackwell. P. 43–69.
- Dryzek J. (1993) Policy Analysis and Planning: From Science to Argument//The Argumentative Turn in Policy Analysis and Planning/F. Fischer, J. Forester (eds.). London: UCL Press. P. 213–232.
- Fairclough N. (2001) The Discourse of New Labour: Critical Discourse Analysis//Discourse as Data: A Guide for Analysis/M. Wetherell, S. Taylor, S.J. Yates (eds.). London: Sage. P. 229–266.
- Foucault M. Space, Knowledge and Power//The Foucault Reader/P. Rabinow (ed.). London: Penguin Books, 1984. P. 239–56.
- Foucault M. (1991) Governmentality//The Foucault Effect: Studies in Governmentality/G. Burchell, C. Gordon, P. Miller (eds.). The University of Chicago Press, Chicago. P. 87–104.
- Foucault M. (1994) Ethics: Subjectivity and Truth. The Essential Works of Michel Foucault, 1954–1984, Vol. 1/P. Rabinow (ed.). The New Press, New York.
- Harris S.E. (2013) Communism on Tomorrow Street: Mass Housing and Everyday Life after Stalin. Woodrow Wilson Center Press.

- Hajer M. (1996) Discourse Coalitions and the Institutionalisation of Practice: The Case of Acid Rain in Britain//The Argumentative Turn in Policy Analysis and Planning/F. Fischer, J. Forester (eds.). Durham, NC: Duke University Press.
- Jacobs K. (2006). Discourse Analysis and its Utility for Urban Policy Research//*Urban Policy and Research*. Vol. 24. No. 1. P. 39–52.
- Jones P. (2011) The Sociology of Architecture: Constructing Identities. Liverpool University Press.
- Kuutma K. (2012) Between Arbitration and Engineering: Concepts and Contingencies in the Shaping of Heritage Regimes//Heritage Regimes and the State/R. Bendix et al. (eds.). Gottingen: Universitätsverlag Gottingen. P.21–36.
- Lees L. (2004) Urban Geography: Discourse Analysis and Urban Research, Progress in Human Geography. Vol. 28. No. 1. P. 101–107.
- Li T.M. (2007) The Will to Improve: Governmentality, Development, and the Practice of Politics. Durham, NC: Duke University Press.
- Mele C. (2000). The Materiality of Urban Discourse: Rational Planning in the Restructuring of the Early Twentieth-Century Ghetto//*Urban Affairs Review*. Vol. 35. No. 5. P. 628–648.
- Newman I. (1996) Discourse and The Public Sector//*Local Government Policy Making*. Vol. 23. P. 52–59.
- Ong A. (2007) Neoliberalism as a Mobile Technology//*Transactions of the Institute of British Geographers*. Vol. 32. No. 1. P. 3–8.
- Rose N., Miller P. (2010) Political Power Beyond the State: Problematics of Government//*The British Journal of Sociology*. Vol. 61. No. 1. P. 271–303.
- Rydin Y. (1998) The Enabling Local State and Urban Development: Resources, Rhetoric and Planning in East London//*Urban Studies*. Vol. 35. No. 2. P.175–191.
- Sharp E., Richardson T. (2001) Reflections on Foucauldian Discourse Analysis in Planning and Environmental Policy Research//*Journal of Environmental Policy and Planning*. Vol. 3. No. 3. P. 193–209.
- Stenson K., Watt P. (1999) Governmentality and 'the Death of the Social?': a Discourse Analysis of Local Government Texts in South-East England//*Urban Studies*. Vol. 36. No. 1. P. 189–201.
- Smith L. (2006). *Uses of Heritage*. London; New York: Routledge.
- Smith F. (1999) Discourses of Citizenship in Transition: Scale, Politics and Urban Renewal//*Urban Studies*. Vol. 36. No. 1. P. 167–187.
- Zhel'nina A. (2013) Learning to Use "Public Space": Urban Space in Post-Soviet St. Petersburg//*The Open Urban Studies Journal*. Vol. 6. No. 1. P. 57–64.

SVETLANA MOSKALEVA

URBAN HERITAGE AND GOVERNMENTALITY IN ST. PETERSBURG: BETWEEN LOCAL AND GLOBAL

Svetlana Moskaleva, Master of Arts in Sociology, PhD student European University at St. Petersburg; 6/1A Gagarinskaya Street, St. Petersburg, 191187, Russian Federation.

E-mail: smmoskaleva@gmail.com

Abstract

Using the example of an architectural competition for the reconstruction of Bolshaya Morskaya Street in St. Petersburg, this article focuses on the issue of the control of heritage. The 2016 architectural competition is examined to reveal the conflicting logic, discourse, and forms of rationalities in heritage management, mobilized by different participants of the planning process: professional architectural studios, civic groups, and government authorities. The article reveals what kind of discourses, technologies, and rationalities are used by those involved in creating the street's architectural projects. The work contributes to the discussion of how control is disseminated between the center and the periphery. Using participant observation, discourse analysis of architectural concepts, analysis of normative documents, and interviews with civic groups the article reveals two types of rationality inscribed in the planning process in St. Petersburg. The projects of Bolshaya Morskaya Street show the coexistence of two planning paradigms which differ in epistemic (forms of rationality) and discursive practices. One is based on State logic, when the State is considered as a key factor in the planning process. The second paradigm is built around market and civic logics, and citizen participation in urban planning. Representatives of the second paradigm attract market and international discourses, and build new civic identities.

Key words: heritage; urban governance; civic participation; urban planning; discourse analysis; post-Soviet space

Citation: Moskaleva S. (2019) Urban Heritage and Governmentality in St. Petersburg: Between Local and Global. *Urban Studies and Practices*, vol. 4, no 3, pp. 42–59 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.17323/usp43201942-59>

References

- Balashov A.G., Sanina A.G. (2016) Strategicheskie orientiry razvitiya Sankt-Peterburga: protivorechiya deklariruemih cennostey i practic gorodskogo upravleniya [Strategic guidelines for the development of St. Petersburg: contradictions of declared values and practices of urban governance]. *Journal issledovaniy socialnoy politiki* [Journal of Social Policy Studies], vol. 14, no 2, pp. 197–212. (In Russian)
- Batchaev A., Jiharevich B. (2014) Sankt-Peterburg v postsovetkiy period: ekonomicheskie strategy i razvitiye [St. Petersburg in the post-Soviet period: economic strategies and development]. *Economicheskie i socialnie peremeny: facty, tendencii, prognoz.* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], vol. 34, no 4, pp. 68–83. (In Russian)
- Kaplun V. (2019) Perestat' myslit' 'vlast' cherez 'gosudarstvo': gouvnermentalité, governmentality studies i chto stalo s analitikooy vlasti Michele Foucault v russkih perevodah [Stop thinking "power" through "government": gouvnermentalité, governmentality studies and what happened to Michel Foucault's power analytics in Russian translations]. *Logos*, vol. 29, no 2, pp. 179–220. (in Russian)
- Atkinson R. (1999) Discourses of partnership and empowerment in contemporary British urban regeneration. *Urban Studies*, vol. 36, no 1, pp. 59–72.
- Bocking S. (2006) Constructing urban expertise: Professional and political authority in Toronto, 1940-1970. *Journal of Urban History*, vol. 33, no 1, pp. 51–76.
- Brenner N., Peck J., Theodore N. (2010) Variegated neoliberalization: Geographies, modalities, pathways. *Global Networks*, vol. 10, no 2, pp. 182–222.

- de Cesari C., Herzfeld M. (2015) Urban Heritage and Social Movements. *Global Heritage: A Reader*/L. Meskell (ed.), pp. 171–195. pp. 171–195.
- Coombe R., Weiss L. (2015) Neoliberalism, Heritage Regimes and Human Rights. *Global Heritage: A Reader*/L. Meskell (ed.). Wiley Blackwell. pp. 43–69.
- Dryzek J. (1993) Policy analysis and planning: from science to argument. *The Argumentative Turn in Policy Analysis and Planning*/F. Fischer, J. Forester (eds.). London: UCL Press, pp. 213–232.
- Fairclough N. (2001) The discourse of New Labour: Critical Discourse Analysis. *Discourse as Data: A Guide for Analysis*/M. Wetherell, S. Taylor, S.J. Yates (eds.). London: Sage, pp. 229–266.
- Foucault M. (1984) Space, Knowledge, and Power. *The Foucault Reader*/P. Rabinow (ed.). London: Penguin Books, pp. 239–56.
- Foucault M. (1991) Governmentality. *The Foucault Effect: Studies in Governmentality*/G. Burchell, C. Gordon, P. Miller (eds.). Chicago: The University of Chicago Press, pp. 87–104.
- Foucault M. (1994) Ethics: Subjectivity and truth. *The Essential Works of Michel Foucault, 1954–1984, Vol. 1.*/P. Rabinow (ed.). New York: The New Press.
- Harris S.E. (2013) Communism on tomorrow street: mass housing and everyday life after Stalin. Woodrow Wilson Center Press.
- Hajer M. (1996) Discourse coalitions and the institutionalisation of practice: The case of acid rain in Britain. *The Argumentative Turn in Policy Analysis and Planning*/F. Fischer, J. Forester (eds.). Durham, NC: Duke University Press
- Jacobs K. (2006) Discourse analysis and its utility for urban policy research. *Urban Policy and Research*, vol. 24, no 1, pp. 39–52.
- Jones P. (2011) *The sociology of architecture: constructing identities*. Liverpool University Press.
- Kuutma K. (2012) Between Arbitration and Engineering: Concepts and Contingencies in the Shaping of Heritage Regimes. *Heritage Regimes and the State*/R. Bendix et al. (eds.). Gottingen: Universitätsverlag Gottingen, pp. 21–36.
- Lees L. (2004) Urban geography: discourse analysis and urban research. *Progress in Human Geography*, vol. 28, no 1, pp. 101–107.
- Li T.M. (2007) *The Will to Improve: Governmentality, Development, and the Practice of Politics*. Durham, NC: Duke University Press.
- Mele C. (2000). The materiality of urban discourse: rational planning in the restructuring of the early twentieth-century ghetto. *Urban Affairs Review*, vol. 35, no 5, pp. 628–648.
- Newman I. (1996) Discourse and the public sector. *Local Government Policy Making*, vol. 23, pp. 52–59.
- Ong A. (2007) Neoliberalism as a mobile technology. *Transactions of the Institute of British Geographers*, vol. 32, no 1, pp. 3–8.
- Rose N., Miller P. (2010) Political power beyond the state: Problematics of government. *The British Journal of Sociology*, vol. 61, no 1, pp. 271–303.
- Rydin Y. (1998) The enabling local state and urban development: resources, rhetoric and planning in East London. *Urban Studies*, vol. 35, no 2, pp. 175–191.
- Sharp E., Richardson T. (2001) Reflections on Foucauldian discourse analysis in planning and environmental policy research. *Journal of Environmental Policy and Planning*, vol. 3, no 3, pp. 193–209.
- Stenson K., Watt P. (1999) Governmentality and 'the death of the social?': a discourse analysis of local government texts in south-east England. *Urban Studies*, vol. 36, no 1, pp. 189–201.
- Smith L. (2006). *Uses of heritage*. London; New York: Routledge.
- Smith F. (1999) Discourses of citizenship in transition: scale, politics and urban renewal. *Urban Studies*, vol. 36, no 1, pp. 167–187.
- Zheltnina A. (2013) Learning to use 'public space': urban space in post-Soviet St. Petersburg. *The Open Urban Studies Journal*, vol. 6, no 1, pp. 57–64.